

Микитюк Михаил

С О В Е Р Ш Е Н И Е

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

16+

Михаил МИКИТЮК

Совершенство. Часть первая

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Микитюк М.

Совершение. Часть первая / М. Микитюк — «ЛитРес: Самиздат», 2018

На мрачный городок пало невиданное проклятие. Хворь приковала многих жителей к постели, погружая их в непробудный кошмарный сон. Последней надеждой на спасение несчастных являлся молодой человек по имени Амбулас, который прибыл в город по просьбе местного губернатора. Таинственный обряд - единственное оружие против этого зла. Мрачная история превратится в большое захватывающее приключение. Обложка оформлена автором книги.

Содержание

Глава 1. Любой истории положено начало	5
Глава 2. Под кровавым небом, под раскаты грома	9
Глава 3. Минувшие дни. Затмение	16
Глава 4. Новое	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Глава 1. Любой истории положено начало

«Нельзя, чтоб страх повелевал уму;
Иначе мы отходим от свершений».

Данте Алигьери

Лучезарный – город на окраине Колкого леса. Город на берегу Глухого моря.

Своё название этот захудалый городок получил в честь довольно интересного расположения построений. В нем была всего лишь одна улица, что служила сердцем города, иначе – ядром: округлая площадь, выложенная из жёлтого кирпича, который с ходом времени затёрся и посерел. В центре площади стоял фонтан, изображающий босоногого мальчика, стоящего на коленях, который обнимал маленькое солнце. Больше на площади не было ничего.

Лучезарный был разделён на восемь лучей, исходящих из "ядра". Шесть из них являлись рядами, что исходили из боков всей системы. Каждый луч – это три-четыре, построенные в ряд, двухэтажных дома. Выполнены они были из древесины колкого дерева, собственно из которых и состоял лес. В каждом доме первый этаж служил холлом, кухней и двумя уборными. На верхнем этаже располагалось по семь комнат. Цифра, значащая номер комнаты, соответствовала числу кроватей, что находились в ней. Над каждой кроватью висела дощечка, вырезанная в форме солнца. На каждом солнце были написаны слова: "И не будут хмурыми ваши сны".

Самым главным лучом служил Губернаторский дом, выполненный целиком из мрамора. Над крыльцом висел герб городка: солнце в руках босоногого мальчика. Здание из себя ничего особого не представляло: обыкновенное одноэтажное, прямоугольное построение, несколько колон для опоры крыльца, и широкая чёрная дверь, с ковриком для ног у входа. Лишь синяя остроконечная крыша выделялась из этого скучного образа, да и окна с синими рамами, открывающие обширный вид на площадь, и на въезд в город. Этот въезд и служил последним лучом Лучезарного. Вёл он к развилке дорог: правая – служила выездом из города, левая – делала полукруг, и выводила обратно на дорогу.

Лучезарный местные жители называли никак иначе как "Город небылиц". Во-первых, несмотря на своё светлое название, над этим городом, с самого момента воздвижение главной площади, нависло хмурое небо. Летом и осенью оно казалось серым, зимой и весной – мутно-синим. Дождь лил редко, но из-за глобального дефицита солнца в Лучезарном зародилась проблема, как сырость и плесень. В связи с этим, горожане всегда ходили с мокрыми носами. От лица Губернатора, каждому жителю, на каждый день недели предоставлялись совершенно безвозмездно семь платков, которые после использования сдавались в плетеную корзину, что стояла у подножия лестницы крыльца. К концу недели корзина набивалась, а на начало новой – в ней лежали комплекты чистых платков.

Во-вторых, никто и представления не имел на чём, и на какие средства город содержал жителей, ибо в Лучезарном царствовала безработица. Это оставалось загадкой. Кто-то говорил, что у Губернатора безграничные запасы золота. Кто-то заявлял, что тот же Губернатор нанимает охотников, и те ловят единорогов, сцеживают их молоко, и торгуют за пределом города. Но всё это являлось только слухами.

Каждое утро в Лучезарный въезжала карета с припасами на день. В основном жителям предлагалось хлеб двух сортов, вода, мешочек картофеля, небольшой выбор овощей, редко когда рыба. Поэтому, абсолютно каждый житель был вегетарианцем.

Особенно ценились книги. Именно они служили единственным развлечением для жителей. К тому же, книги являлись редкой темой, когда жители могли хоть что-нибудь обсудить друг с другом. Но с течением времени, каждый житель когда-либо лично ознакомливается с тем или иным произведением, и поводы для разговора иссекались.

Лишь один день заставляет горожан Лучезарного вылезти из своих домов, и собраться на площади. Лишь в этот день над городом сияет солнце. Торжественный праздник «День Восхода». На площади играет музыка, развешивают флажки, и чистые плакаты, на которых каждый желающий может нарисовать солнышко. После праздника эти плакаты сжигают.

В День Восхода в город ввозят эль или ром, для детей же – содовую. Вокруг фонтана расставляют полукругом столы, на которых располагаются всякого рода вкусности. Больше всего дети предпочитают мармелад, а так же шоколадные яйца.

На празднике есть одна интересная игра. Жители делятся на две команды. Первая – становится в круг, и, крепко взявшись за руку, плотно прижимаются друг к другу. Они символизируют солнечный свет. Их задача: держать оборону. Вторая команда старательно должна пробить защиту и прорваться в круг первой команды. Они символизирует тучи. Один раунд длится одну минуту. Побеждает та команда, которая выполнила поставленную задачу

Что собственно касается самих жителей Лучезарного, – это люди, которые одновременно радуются и печалются некоторым фактам. Как было сказано выше, все жители были безработные. Это их забавляло. Проблема в той же самой причине: им попросту нечем заняться.

Многие читают книги, кто-то воспитывает детей, играют с ними. Некоторые, – зачастую старые люди, – вяжут, вышивают, пишут мемуары. Каждому жителю это приедается, но от безысходности продолжают заниматься тем или иным делом ежедневно. Абсолютно каждый разумный горожанин Лучезарного задумывался: «А почему бы не заняться чем-то полезным: земледелием, строительством?» Но так и никто не осмелился воплотить в жизнь подобные мысли.

Было одно исключение! Бабушка Лоис. В свои семьдесят пять лет с хвостиком, первая осмелилась избавиться от однообразия. В один день, она выбралась из своей комнаты, – под номером два, – походила вокруг города, собрала несколько палочек, огладила ими небольшой участок земли, и рассеяла немного зернышек. Через неделю Бабушка Лоис умерла, а на месте ее маленького сада выросли сорняки.

Если рассмотреть жителей с точки зрения социологии, то их общество можно назвать диким. Диким не в плане поведения, а отчуждённым, – в этом смысле. Все горожане сидели, запершись в одиночку, или же семьями в своих комнатах. При встрече со знакомым лицом здороваются, но редко кто останавливается и делится новостями. Лишь дети могут в холле порезвиться час-два, да старики сыграть партию в шахматы.

Из-за подобного Лучезарный кажется пустынным и хмурым городом: на улице тишина, площадь пуста. Выше рассказывалось, что народ собирался только в случае прибытия повозки с продуктами, или же в День Восхода. В остальное время – глушь.

В следующих абзацах коснёмся такой личности, как Губернатор города. Прэсез Урбэм. В последующем, мы будем звать его либо Губернатором, либо господином Урбэмом.

Этот человек был сыном управляющего одного прибыльного трактира. С самого детства Урбэма учили мастерству менеджмента. Уже в семнадцать лет он управлял пятью заведениями в трёх городах. В тридцать лет его поставили мэром в прибрежном мелком городишке, а к тридцати семи годам предложили воздвигнуть собственный город. В те года Урбэм верил, что это дело приведёт его к свету. Ему выделили землю, которая находилась далеко-далеко от цивилизации. В этом Губернатор видел свой плюс: город расстроится, станет огромным в обхвате территории, а так же станет центром высокотехнологичного мира. Даже название дал городу солнечное, что так же стало идеей для построения зданий. Всё это он делал в надежде на светлое будущее. Но солнце скрылось за тучами над Урбэмом, как в материальном плане, так и духовном. Сейчас же он просиживает штаны в мрачном городке, потолстел, а затем разжирел. Надежды не осуществились. Но Губернатор не считал себя неудачником. Он – хозяин собственного города. Численность населения если не растёт, то хотя бы держится на уровне.

Да, горожане особо не радуются, но и не страдают. Есть дом, пища, небо над головой. Чего ещё нужно? Такова была политика Урбэма.

Но судьба такова, что и так с весьма несчастливым городком случилась напасть. Навалилось проклятье.

Началом этой истории послужил день, когда в город въехали сразу две кареты. Одна, как известно, с припасами, другая – с никому неизвестным и ранее невиданным пассажиром. Народ уже поочередно разбирал продукты, когда из второй повозки вышел молодой мужчина высокого роста. Отдельно рассмотрим его наряд.

На него было надето длинное шерстяное пальто, почти до колен, с посеребрёнными пуговицами, подчеркивающее стройность незнакомца. Из пальто выглядывал серый вязаный шарф. Внимание стоит уделить рисунку на верхней одежде: едва видный открытый глаз на обеих сторонах. Зауженные тёмно-серые брюки, усердно начищенные чёрные туфли указывали на его строгость. В одной руке он держал небольшой чемодан, другой – поддерживал заплечный мешок с вещами. Сами же руки были облачены в тонкие кожаные перчатки.

На лицо незнакомцу можно было дать от силы лет двадцать – двадцать три. Длинное худое лицо с широкими скулами, заострённый прямой нос, большие синие глаза с устремленным на толпу колким взглядом. Оно оживлялось спокойной, чуть заметной улыбкой и выражало самоуверенность и ум. В меру пухлые губы, темно-каштановые волосы, собранные в короткий хвост.

Мужчина немного постоял, огляделся. Толпа вокруг стояла в недоумении: никто за столь долгое время не приезжал в Лучезарный отдельной каретой. Наступила минутная тишина.

Осмелился нарушить ее тот же незнакомец:

– Амбулас Интенегри! Ударение на второй слог! – говорил он громко, и каждое слово проговаривал с особой педантичностью. – Я прибыл по поручению вашего Губернатора. Где я его могу найти?

В толпе что-то зашуршало, люди начали расходиться, и оттуда выбежал полный мужчина в сером смокинге и красной бабочкой на воротнике. Пока он проделывал путь до незнакомца, толстячок буквально запыхался.

– Я, господин Интенегри. Я – Губернатор, – воскликнул он. Из-за отдышки несколько слогов было проглочено.

– Ударение на второй слог, – поправил его приезжий. – Как я понимаю, прибыл я в тот самый Лучезарный. Я не ошибся?

– Всё верно, господин Ин. . . ИнтЕнегри. Дорога вас не утомила? Не желаете ли вы выпить малиновый чай? – Губернатор аккуратно положил руку на спину мужчины, и повёл его через толпу в сторону Губернаторского дома. Он попытался забрать чемодан у приезжего, в знак добродетелей, но тот багаж крепко держал в руках.

– Ближе к делу, Губернатор. Мне нельзя здесь надолго оставаться. И извольте наконец представиться.

– Урбэм, господин Ин. . . ИнтЕнегри. Ударение на первый слог, – Губернатор слегка улыбнулся, но в ответ получил холодный взгляд.

Они подошли к двери мраморного здания, после чего Урбэм, приоткрыв дверь, пропустил Амбуласа вперёд. А перед собственным входом внутрь крикнул своим хриплым голосом несколько слов толпе, которая до сих пор не желала расходиться:

– А ну разбежались по своим делам! Нечего здесь толпиться! Площадь протираете!

Жители пожали плечами, зашевелились, и вскоре скрылись по домам. Дел на улице у них больше не было.

***

Уже внутри Губернаторского дома, в главном кабинете, где вдоль всех стен были расставлены шкафы, полностью заполненными книгами, Урбэм усадил гостя на своё любимое кресло, выполненное из дубового дерева, с красной вельветовой обшивкой, и приступил к рассказу, с какой целью пригласил Амбуласа.

– Господин Интенегри, я приглашал четверых лучших врачей, которые, несмотря на столь серьезное расстройство, не поленились приехать в город. Сначала я думал, что на людей напала лихорадка. Но никто из врачей не мог дать точного диагноза, и тем более причину заболевания. Один из них, когда убедился, что не может никак помочь больным, посоветовал обратиться к вам. И я немедленно написал письмо, – всё это время Губернатор стоял напротив Амбуласа, у камина, и не уводил взгляда с него. Слушатель же устремил свой взор на угасающее пламя. – Ах, чудеса! Вы прибыли так скоро! Но, тем не менее, мы уже увезли на кладбище троих.

– Какие симптомы? – медленно, еле открывая рот, произнес гость.

– Какие симптомы... У всех одно и то же: спят уже несколько дней – не могут проснуться. Совершенно не двигаются, дышат чуть заметно. Врачи говорили, что когда приоткрывали веки, зрачки больных были полностью расширены. Глаза казались чёрными! Представляете? Да что я вам всё это рассказываю? Вот вам все заметки врачей, – господин Урбэм подбежал к столу, который стоял посреди комнаты, и из тумбы достал аккуратно сложенный листок. Вскоре, он протянул его Амбуласу.

В заметках были следующие слова:

«Дыхание заглушенное. Частота сердцебиения отличное от нормы: ниже среднего. Зрачки полностью покрыли радужку. Температура тела держится в пределах тридцати четырех – тридцати пяти градусов. Состояние: схоже на кому, но не является таковым». Всё было закреплено подписью врача.

Амбулас тяжело вздохнул, и, свернув листок, положил во внутренний карман пальто. Затем, он положил на колени руки, и задумался. Всё это продлилось не больше трёх минут. Губернатор не посмел нарушить тишину.

– Сколько больных? – резво задал вопрос мужчина, и встал с кресла, уставившись на Урбэма.

– На данный момент четверо, господин Интенегри. Вы уже сделали предположение? Ведь так? Только не говорите мне, что не знаете диагноза. Прошу! Не говорите.

– Нам нельзя медлить, Губернатор. Ведите меня сейчас же в дом к первому больному. И захватите с собой журнал: будете записывать все мои действия, и слова с определённой точностью. На счету каждая минута. Нельзя медлить.

Глава 2. Под кровавым небом, под раскаты грома

Над городом нависла хмурая туча. Музыкаой дождя, падая на землю, зазвенели капли. Стучали крыши, барабанили стёкла окон, скрипела калитка под порывами ветра. Дождь то усиливался, то затихал, то прекращался совсем. По мокрым улицам торопливо шагали двое мужчин. Один, что покрупнее, то и дело через каждый шаг спотыкался, второй двигался в подметки тени, бесшумно.

Нужный им дом находился во второй ветви справа, самый первый. Дверь звякнула, и двое вошли внутрь. Комната, которая содержала в себе и прихожую, и кухню оказалась низкой и пустой, без перегородок. На ближней стене висела изорванная куртка, в углу валялась груда тряпок, два больших горшка стояли возле камина. Одинокая свеча горела на столе, то уныло вспыхивая, то угасая. Дом внутри казался печальнее, чем снаружи.

–Хозяева, – захрипел Урбэм.

Слышно было, как начал скрипеть пол на втором этаже, и через миг вниз спустилась пожилая женщина. Амбулас сразу же обратил внимание на ее большие блестящие глаза, с сильно набухшими синяками под ними. Женщина была чересчур худая, вены на руках ярко вздувались, волосы на голове были не мыты уже который день. В ее взгляде можно было различить две эмоции: беспредельное горе и схлынувшая новая надежда.

–Амбулас Интенегри, – представился молодой человек.

–Иззи Темингол, – робко начала она. – Вы пришли помочь? Вы тот самый человек, что приехал сегодня утром? Не зря мне сегодня приснился этот сон. Я видела Вас в своем сне! Вы были озарены солнцем. Вы спасёте ее? Спасете мою доченьку? Она увядает, – говорила она, в волнении ломая руки. – Она заболела восемь дней назад. Слегла вечером от усталости, и больше не размыкает очи. Неделю и день! Вы представляете? Это очень долго!

–Не стой столбом, седая! Веди скорее, – начал подгонять Губернатор.

И они поднялись наверх. Дверь комнаты под номером один открылась, и перед взорами людей появилась кровать. На ней лежала молодая белокурая длинноволосая девушка лет шестнадцати-восемнадцати, кожа ее была совсем тусклой, губы посерели. Так сразу и нельзя было сказать, что она еще жива, но дыхание еще уловимо. Девушка лежала на спине, руки вдоль тела, из-под одеяла слегка выглядывала голая стопа, которую вскоре заправила обратно мать.

–Держите, Губернатор, – протянул Амбулас толстый журнал в кожаном переплёте, достав его из своего чемодана, – как и договаривались, вы будете записывать всё, что я говорю и делаю. Не упускайте мелочей.

Молодой человек схватил ближайший табурет, и сел на него у самой кровати. Губернатор встал рядом, мать застыла в проходе.

– Возраст? – обратился Амбулас к женщине.

– Семнадцать лет исполнилось недавно, – говорила она тихо, словно умирающая.

– Записывайте, чего ждете? Каждую мелочь! – крикнул он Урбэму, тот спохватился, раскрыл журнал, достал из пиджака ручку, и начал чиркать им.

Амбулас взял бледную руку девушки, и начал нащупывать пульс, вскоре он приложил губы к ее лбу, померив тем самым температуру. Следом, он приоткрыл девушке веки, взглянул на зрачки. Всё это не заняло и двух минут.

– 42 удара в минуту, температура ниже нормы на один – два градуса, зрачки расширены, дыхание приглушенное.

Молодой человек вновь раскрыл свой чемодан, и достал оттуда три свечи, небольшой тканевый сверток с предметом внутри, и серебряный амулет с гравированной подвеской в виде боевого топора, что являлось самым ярким оберегом.

– В доме есть комната со свободным пространством? – спросил вдруг он.

- Все комнаты заставлены кроватями... – ответила чуть слышно миссис Темингол.
- Мы можем их сдвинуть. А зачем вам? – поинтересовался Губернатор.

– Я сбегая за мужем, – спохватилась женщина, и уже через несколько секунд было слышно, как скрипнула входная дверь.

Амбулас резко встал, вышел в коридор, и начал последовательно дергать двери комнат. Губернатор последовал за ним, и даже счёл нужным что-то записать. Третья и пятая комната были закрыты, видно в них кто-то находился из жильцов. Остальные же комнаты пустовали. Молодой человек остановился на комнате под номером шесть.

- Нет времени ждать. Помогите мне сдвинуть кровать в сторону, нужно место!
- Что вы хотите сделать, господин Интенегри? Зачем? Вы точно сможете помочь?

Амбулас кинул змеиный взгляд в сторону Урбэма, и с недовольством крикнул:

- Вы собираетесь мне помогать?

В ответ, Губернатор положил на тумбу журнал, и принялся сдвигать кровати в левый угол, противоположный от входа. Матрасы скидывали на пол, но и без этого кровати из досок цельного дерева, пропитанного сыростью, казались не совсем легкие на подъем. Дело заняло около пяти минут, но и за это время Губернатор успел пропотеть. Амбулас же за весь процесс не издал и звука. После этого, молодой человек начал стыковать друг к другу скинутые матрасы, образуя при этом обширную мягкую площадь. Закончив с этим, он побежал в комнату, в которой лежала пациентка.

Стянув с девушки одеяло, перед ним предстало обнажённое бездыханное тело. Амбулас робко отвернулся, выдохнул, снова посмотрел на нее. Всё туловище было в кровоизлияниях и кровоподтеках. Что-то будто убивало девушку изнутри. Он взял девушку на руки, и понес в приготовленную комнату.

- Батюшки! – вскрикнул Урбэм, когда вошёл Амбулас .

Он помог ему аккуратно положить мученицу на матрасы, и снова схватился за журнал, сделал пометки.

Амбулас расставил три свечи: одну у изголовья, другие – у локтей с обеих сторон. Затем, он сбегал снова в комнату под номером один, и вернулся оттуда с небольшим бронзовым кубком.

– Заполните его водой, – приказал Амбулас Губернатору. Тот беспрекословно повиновался, выбежал в коридор, и спустился вниз по лестнице. Молодой человек тем временем поджог фитиль каждой свечи, и натянул на себя амулет. Затем, он присел на колени, аккуратно взял девушку за руку, и принялся шепотом читать молитву, на неизвестном языке:

- Эл номе ган го ретте. Эл номе ган го ретте. Эл номе ган го ретте повус.

Вскоре, после произнесения этих слов, вернулся Урбэм с кубком, наполненным водой. Амбулас протянул руку, губернатор подал чашу, и вновь взял журнал в руки.

Амбулас, пододвинув свёрток, раскрыл его, и оттуда показался кинжал с длинным и узким клинком. Он снова взял руку девушку, и кольнул кончик пальца кинжалом, поднес кубок, и выдавил пять капель крови.

– Ло вонгу та повус. Ло вонгу та повус, – опять зашептал он, при этом покачивая аккуратно кубок.

Урбэм на всё это смотрел, с широко раскрытыми глазами. Ничего подобного он раньше не видел. Слышать – слышал схожее, но не видел. Это одновременно его завораживало, и пугало.

Когда Амбулас прекратил шептать слова, поднес кубок к губам, и сделал несколько глотков. Через несколько мгновений он повалился на пол, опрокинув кубок со всем содержимым.

– Ужас какой! – закричал губернатор, и подбежал к молодому человеку. – Всё идет правильно? Так и должно быть? Господин Интенегри! Не отвечает. Что делать? Он дышит. Значит, всё идет как надо. Ведь так, господин Интенегри? Ведь так?

Но ответа и не следовало ожидать. Душа Амбуласа покинуло тело, и перенеслась в другую сущность.

***

Ад – это печь неугасимого огня, место вечного наказания, где его жертвы мучаются телесно и духовно в соответствии с их греховной природой, совершенными ими грехами и количеством данного им духовного света, который они отвергли.

Ад – это место, где нет Божьего милосердия и доброты, где Божий гнев выливается в ужасный всепоглощающий огонь, а люди вечно живут в мучении со своими неудовлетворенными страстями и желаниями.

В Евангелии от Матфея Господь Иисус рассказывает притчу, касающуюся суда. В стихах Господь описывает судьбу грешников: «Так будет при кончине века: Изйдут Ангелы и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов».

«Огненная печь», – так можно было описать то, где очутилась душа Амбуласа. Он прекрасно знал, что перед ним не царство страданий и тьмы. Ад вечен. И он будет всегда. А то, где оказался он – это ни что иное, как захваченный злом разум девушки, которая нуждалась в помощи. Это душа, охваченная огнем, который следовало потушить. Это болезнь, которую обязан вылечить именно Амбулас.

Это место можно было описать так: бесконечное жерло вулкана, в лаве которого, образовались неподвижные островки различной величины, от мала до велика. Всё вокруг искрило жадным пламенем, а вдалеке виднелся густейший непроглядный мрак. Место было пропитано дымом и зловонием. Стояла мучительная жара. Небо было покрыто огненными тучами. Всё оно гремело, звенело, стучало, издавало страшные вопли. Молнии с треском ударяли в скалы.

– Кар-карр, – появился из ниоткуда чёрный, как ночь, ворон. Именно ворон, а не ворона. Мудрая птица, столетиями обманывающая смерть, любимый герой русских сказок. Он сделал пару кругов над головой Амбуласа, и плюхнулся на землю. Мощный клюв, чёрно-металлическое оперение, и отражение кровавого неба в глазах ворона придавало ему еще более темный образ.

Крупная чёрная птица задумчиво уставилась на Амбуласа. Он протянул крылатому обитателю руку, но в ответ получил один короткий взгляд черных глаз и громкое «Кар-р». Тяжело ударив крыльями, ворон устремился в небо, и исчез во мраке.

– Ну, здравствуй, приятель. – Промолвил молодой человек вслед ему. Затем, он поправил воротник своего пальто, и добавил, – Что же, приступим.

Весь торс, руки и ноги накрыло синее сияние. Оно пульсировало с учащенным ритмом. Вспышка! И, как по волшебству, Амбулас был полностью снаряжен в темную кожаную броню. Нагрудник и защита для плеч комбинировались с туникой. Заклёпки на мягкой коже находились близко друг к другу, что формировало эластичное металлическое покрытие, которое совсем не сковывало движения. За спиной появился меч с симметричным длинным клинком и волнистым лезвием. На шее висел знакомый нам амулет с изображением молота на подвеске. Весь средневековый образ дополняла цепь, плотно обмотанная вокруг левой руки. Один конец

был прочно прикреплен к креплению от плеча до локтя, а другой – кончался у запястья, переливаясь из колец в остроконечный крюк.

Амбулас слегка попрыгал на месте, чтобы ощутить на себе новый вес снаряжения, и рванул вслед за исчезающей тенью ворона.

Пейзажи на горизонте совсем не менялись: всё те же скалы, по которым скатывалась лава. Пыль кругом, дым, где-то горело что-то похожее на дерево. Всё это подкреплялось искрами в небе, молниями, и страшными воплями вдали. Вскоре Амбуласу пришлось взбираться на крутой склон, который никак нельзя было обойти, так как вокруг была раскалённая жижа. Руки от острых, как нож, камней спасали перчатки, но и так всё передвижение доставляло неприятное жжение на ладонях. Пару раз приходилось начинать подниматься вверх заново. Валуны под тяжестью ног то и дело обваливались.

Наконец, одолев препятствие, за холмом, в нескольких сотнях метров показалось весьма знакомое поселение, над которыми летал черный ворон, закладывая лихие виражи на крутых поворотах и хрипло каркая. Это был Лучезарный. Но весьма отличительным свойством этой проекции города было в том, что абсолютно каждый дом был охвачен пламенем. Фонтан был разбит вдребезги, на мельчайшие камушки, а губернаторский дом и вовсе отсутствовал. Но всё это не произвело на Амбуласа никакого впечатления. Он отряхнулся, и зашагал к руинам.

Всё пылало. Ни единой души не было в Лучезарном, лишь один смог проявлял жизненную активность, и то, подвластную ветру. Пройдя чуть дальше от места, где должно было находиться главное здание города, за спиной Амбуласа закаркал ворон, и это заставило его развернуться. Посреди пылающих домов стояла неподвижная фигура. Молодой человек обратил внимание на белые волосы, и тут же догадался, что это именно та девушка, в чьё сознание он проник. Он медленно зашагал ей навстречу.

Обнаженное тело всё было покрыто ожогами и пылью. По щекам девушки катились слезы, оставляя на грязном лице следы. В глазах ее был мрак.

– Возьми меня за руку, и мы покинем это место, – начал Амбулас. – Этот ужас пройдет. Дотронься лишь до моей руки, – и он протянул ей свою, всё медленнее подходя к девушке.

Их разделял десяток шагов, когда мученица закричала и молниеносно устремила прямо на спасителя. Кожа ощутила поток воздуха. Вскрикнув, Амбулас завалился на спину, не в силах оторвать взгляда от приближающейся фигуры, и вообще попытаться уклониться.

Фигура девушки растворилась в воздухе. Вместо нее, на горящих крышах появились странные существа, и спрыгнули на землю. Это были маленькие, шкодливые, и не чистоплотные создания. Выглядели они, как хвостатые лысые худощавые карлики с крупными заостренными ушами. Амбулас знал, что от этих существ, – да и в прочем от всего, что в захваченных сознаниях обитало, – не следовало ничего ожидать хорошего. И был прав. Тут же они принялись метать в его сторону огненные шары.

Мгновенно встав на ноги, Интенегри увернулся от огня, и отбежал в сторону, укрывшись за стеной очередного дома. Он насчитал пять врагов. Вступить в бой с ними было ни сколько неизбежно, а скорее не приемлемо для него. Существа в припрыжку побежали в его сторону. Это и дало начало действиям воина, и он достал меч.

Сделав кувырок в сторону, Амбулас взмахнул левой рукой в сторону крайнего левого создания. Цепь, подвластная сказочной магии, устремила в цель, проткнула насквозь ее, и быстро притянуло к атакующему. Колющий удар, и один готов. Второе существо само напоролось на удар клинком плашмя, что тут же повалило его замертво. Остальные же не стали повторять ошибок, и бросили в воина по огненному шару. Тот же бросился им на встречу, и сделал подкат под ними, заметив, что шары не меняют траекторию. Амбулас замахал мечом перед собой, и в этой мясорубке повалил еще двоих. Брызги крови хлынули во все стороны.

Оставшийся в панике бросился бежать, оставив позади трупы своих товарищей. Но эту затею тут же прервал воин, направив в сторону труса крюк, который через мгновение притянул

мертвую тушу. Амбулас оглядел поле битвы, убедившись, что врагов не осталось, и запрокинул за спину меч. Битва была предельно легкой.

– Кар-р, – восторженно крикнул ворон, который всё это время сидел на земле за человеком, с интересом наблюдая битву. Он, с мудростью во взоре, взглянул в глаза Интенегри, щелкнул клювом, и захлопал крыльями в сторону от руин Лучезарного.

– Ты всё не перестаешь меня поддерживать, мой друг, – улыбнулся Амбулас, и тут же двинул за вороном вдогонку.

Следующее место превзошло все его ожидания. Не мало времени потребовалось преодолеть холм, бесконечно тянущийся вверх, чтобы, преодолев его, увидеть перед собой следующее: огромная чёрная башня в высоту чуть меньше ста метров, в форме узкого цилиндра, из которого выходили каменные иглы, концы которых горели красным, точно были накалины предела. Из башни выходили два коридора, которые служили переходами в башни поменьше. Из всего этого сооружения исходил один яркий оранжевый луч в небо. Всё построение было окружено забором, походивший на останки хребта огромного существа.

– Кар-р, – хрипнула чёрная птица, и приземлилась у ног Амбуласа. Она искоса взглянула на человека, вытянулась и кивнула в сторону башни. Якобы «Тебе туда, чего уставился?»

Воин намёк понял, и ждать себя не заставил. Добравшись до забора, он с легкостью преодолел его. И стоило ему сделать лишь один шаг за преградой, как с земли поднялся дым, и тут же рассеялся, а на его месте, под раскаты грома, появились знакомые существа. Только численность их превосходила чуть ли не в три раза.

В ближайшего Амбулас воткнул крюк, а в ответ получил десяток искрящих шаров в свою сторону. Все пролетели мимо цели, но только один попал в землю в то время, когда человек переставлял ногу. Это откинуло его в сторону, и перевернуло в воздухе пару раз. Амбулас не успевал встать, и поэтому ему пришлось на коленях отползти от обстрела.

Когда последний шар разорвался, Интенегри встал на ноги, и побежал к врагам. За один рывок, за спиной он оставил три туши. Затем, окинув взглядом всё вокруг, он махнул левой рукой в сторону, что выкинуло цепь, и начал крутить острым крюком над головой. Пришлось сесть, так как рост существ едва ли превосходил метр. Острое лезвие цепи, с легкостью разрезало плоть врагов, и повалило бездыханно еще шестерых.

Остались четверо, которые отступили в сторону ворот главной башни. Добравшись, существа метнули по шару в сторону Амбуласа. Скорость снаряда была совсем не высокой, поэтому увернуться, да и еще на дальнем расстоянии, было легко.

Воин стал под тем углом к врагам, что бросив крюк в их сторону, он одновременно проткнул одного из них, и зацепил за этим невезунчиком стоящего. Поэтому он притянул одну тушу, и раненного карлика, которому снес следом же голову с плеч. Два одиноких уцелевших существа переглянулись, и бросились бежать в разные стороны.

«За двумя зайцами не погонишься», – сказал в уме Амбулас, и сумел кое-как подцепить только одного беглеца, к которому неминуемо пришла смерть. Другой же – скрылся с глаз долой.

Воин толкнул ворота в башню, но они не поддались. Тогда Амбулас побежал к соседней башне. Там и вовсе входа не было. Окинув всю конструкцию изучающим взглядом, он заметил, что иглы, торчащие из стен построения, представляли собой нечто похожее на ступени, между которыми был приличный пролет. И здесь на помощь человеку пришел снова крюк.

Цепь плотно обматывала иглы, и инерцией притягивала Амбуласа к себе. Он запарил в воздухе. Состыковка с торчащими копьями была весьма неприятной. Во-первых, это был мощное приближение, что при столкновении с силой било Амбуласа по груди. Следом же, приходилось вскарабкаться, и постараться устоять на иглах.

Он взглянул вверх, и подсчитал, сколько ему придется пройти. Недовольно покачав головой, человек выдохнул, и швырнул крюк в следующий выступ. Под конец пути, он вскрикивал

от боли при соприкосновении с иглами. Грудь то и дело трещала. Если бы не нагрудник, с легкостью можно было схлопотать по ребрам, и переломом тут не отделаешься.

Когда Амбулас взобрался на крышу башни, ему потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя. Он проклинал мысленно это большое воплощение зла в разуме девушки, этого ворона, а затем и себя. «Слушать глупую птицу. Вот чудеса». Но он и не вздумал сомневаться, что на верном пути.

Интенегри встал, и подошел к краю крыши, что был ближе к коридору между башнями. Но это был не коридор вовсе, а что-то похожее на мост. Сверху до него было около четырех метров, и это не стало преградой для Амбуласа, и он спрыгнул вниз, а при прикосновении с землей, сделал кувырок, дабы заглушить удар.

Он побежал на противоположную сторону моста, к небольшим воротам в главную башню. Сильный толчок не дал результата. Амбулас окинул взглядом стены у входа, и заметил небольшой выступ – нажимную плиту. Нажатие на нее, раздвинуло ворота в разные стороны. Человек бросил раздраженное «Тьфу», представив, что точно такая же плита была и у начальных ворот. Но не посчитал это своим просчётом, так как вдруг там этой нажимной плиты и вовсе не было. Хотя, осадок остался. Он вошёл внутрь.

Стены коридора, в котором Амбулас оказался, были расписаны различными символами, которые светились желтоватым цветом. Пройдя немного дальше, перед ним предстали две двери: до одной нужно было идти всё так же прямо, но Амбулас предположил, что это приведет его к мосту между башнями. Вторая дверь была по правую сторону, и вела явно вглубь построения. У входа была такая же нажимная плита, что встречалась раньше.

Двери раскрылись. Обширное высокое помещение было оснащено у стен спиралевидной лестницей, что позволяло подняться снизу от главного входа к сердцу башни, чему служил раскалённое ядро, похожее на солнце в космосе. Оно поддерживалось благодаря массивным балкам, которые выходили из стен, и якобы сдерживали и контролировали энергию сердца. На эти же балки, под ядром, связанная оковами черной липкой субстанцией, материально похожую на паутину, была подвешена девушка. Несчастливая находилась без сознания.

На всё это человек смотрел снизу, так как вышел на платформу под этим самым ядром, а там, где висела девушка, можно дотянуться рукой, но сложно. Осмотрев всё, как следует, Амбулас пришел к решению, что следует обрубить несколько крепление тюремной оковы, дабы сместить девушку ближе к краю к нему. Затем, обрубить оставшиеся крепления одновременно, и ловко подхватить пленницу.

Только Амбулас хотел начать вершить задуманное, как его сбила в сторону магическая волна. Это чуть ли его не отправило кубарем вниз по лестнице. Откуда ни возьмись, со стен спрыгнул не то монстр, не то демон. Выглядело это, как огромный паук с головой и руками бледнокожей женщины. Оно медленно скакало из стороны в сторону, подбираясь к человеку.

Амбулас быстро оклемался, встал с земли, и тут же кинул в сторону чудовища крюк. Тот же, отскочил вправо от цепи, и в ответ нанес энергетический удар, который снова свали на живот нападающего. Чудище кинулось к нему.

Воин слегка замешкался, когда встал на ноги, поэтому от ударов он начал уворачиваться безоружным. Человеческие руки с чёрными длинными когтями желали разодрать всё тело Амбуласа. Чудище наносило удары то руками, то паучьими передними лапами. А он попросту не успевал выхватить меч.

Тогда Амбулас кинул цепь в сторону, где крюк ухватился за поддерживающую балку, и он упорхнул в ту сторону от врага. Монстр бросился за ним.

Интенегри вскарабкался с трудом на балку. Уже там он схватил меч, и принялся глазами выискивать паука.

– Где же ты?! – крикнул он.

Сзади что-то затрещало, и когда Амбулас посмотрел в ту сторону, на него уже кинулось чудище. Оба свалились с балки вниз, на ту же платформу, где и начали.

Времени не было, чтобы кривиться от боли, тогда воин схватил меч, что выронил в полете, и кинулся к пауку, который с тяжестью подбирает все восемь лапок. Колющий удар, следом режущий, прыжок в сторону, удар по лапам, кувырок, и, напоследок, проткнуть насквозь тело. Враг пал.

Тут же всю башню затрясло. Следовало поторопиться. Теперь спасителю ничего не мешало совершить задуманное, и спасти девушку. Когда пленница уже оказалась освобожденной, Амбулас положил ее голову к себе на колени, и начал приводить ее в чувства. Она медленно открыла глаза.

– Возьми меня за руку... – начала он.

Одна из балок треснула, и обрушалась в самый низ. Все стены башни начали покрываться разломами.

– Возьми меня за руку! Ты хочешь отсюда уйти? – девушка с трудом дышала, но Амбулас продолжал. – Возьми меня за руку. Ты обязана сама дать мне ее. Ты же хочешь отсюда уйти!

Уже вторая балка обрушалась. Небо гремело. Всё здание тряслось. Если ядро разорвет изнутри, и вся мощь выйдет наружу, им уже не спастись.

– Возьми мою руку! Ну же!

Девушка со стонами протянула ему руку. Балки обвалились. Вспышка.

Глава 3. Минувшие дни. Затмение

Немного окунем читателя в детство Амбуласа Интенегри. И начнем с того, что детства-то у него и не было.

Когда Амбуласу не исполнилось еще и трех лет, его родители погибли. Но вопрос стоял в том: "А погибли ли?"

Парренс Интенегри – был успешным предпринимателем, и высоко уважаемым человеком. Но богатство не ударило ему в голову, а наоборот, вело к поступкам благородства. Добродетель служила сама по себе самой высокой ценностью семьи Интенегри. Если нет добродетели, то знатность не поможет. Он был кормильцем бедноты. Он основывал больницы, открывал школы, навещал больных детей, давал приданное девушкам, оказывал помощь вдовам, усыновлял сирот. Так же Парренс материально поддерживал заведения, которые могли накормить и предложить ночлег беднякам. Он был человеком, к которому мог обратиться за помощью всякий, и никому не случалось уходить от него ни с чем. Парренс сам ощутил на себе тяжесть голодающих в юные годы, когда отчим выставил его на улицу, а мать не осмелилась заступиться за собственного сына. Но смекалка и сообразительность помогла подняться ему с колен.

После долгих и мучительных скитаний по улицам, Парренс попросился на подработку к одинокому пожилому кузнецу, который со снисходительностью отнесся к бедолаге. Сначала он просто подносил инструменты, заготовки. Следом, крепил и регулировал штампы, закладывал и устанавливал детали, очищал их от смазки. Затем, когда знания по кузнечному ремеслу возросли, с любопытством начал соединять всевозможные сплавы, тем самым достигая более высокую прочность и легкость сырья.

Хорошая работа кузнеца высоко ценилась, а если эта работа имела свою некую индивидуальность, то за это намного поднимали плату. Старик умер, но Парренс продолжил его дело. Он начал относиться к подобному ремеслу, как к искусству.

Теперь юноша увлекся изготовлением уникального боевого оружия. В то время чёрный порох не особо славился, и поэтому пределом его разума стал многозарядный арбалет. Идея ему пришла на ум, когда он поднял для себя ряд вопросов, касающихся оружия, в том числе и неудобство использования арбалетов, требующих постоянной перезарядки.

Первоначально зародилась идея создать поворотный лук, немногим позже пришла в голову идея прикрепить к арбалету барабан, и в заключение все это «оборудовать» зонтичным механизмом. Конструкция обеспечивает быстрое натяжение тетивы и поворот барабана, снаряженного несколькими стрелами, с чёткой установкой в боевую позицию каждой очередной стрелы. В состоянии полной экипировки этот арбалет весил около четырех килограммов, и ему не было аналогов по скорострельности среди оружия подобного класса.

Это был шедевр. По достоинству оценили качество новинки солдаты. Уже по истечению нескольких недель, создатель гениального творения был известен на весь город, а затем, и на весь мир. Горы денег свалились на Парренса. И всего добился он сам.

Он основывал заводы, нанимал рабочих, разрабатывал новые проекты, экспортировал изделия в другие страны. Это всё принесло ему богатство. Но он никогда не забывал, что ему приходилось пережить. Парренс прекрасно знал, что такое ногата, зимняя стужа, жажда и голод, бедность. Поэтому-то он и протягивал руку помощи нуждающимся.

Мать Амбуласа, Трис Вир, преподавала в школе для девочек. Всеми ценилось ее понимание, доброта, и бодрость духа. Ее судьба ничем не отличалась от судеб многих людей. У нее была самая обыкновенная семья, самые обычные родители, и самый простой дом. Это была с первого взгляда самая обыкновенная девушка, даже ее пышные каштановые волосы с красным отливом не придавали ей особой индивидуальности. Обманчиво легко выглядела и ее учеба в университете, и четырехлетняя обязательная работа по распределению в школе. На самом же деле девушка вкладывала в образование и профессиональный рост все силы и ресурсы, какие у нее были.

С будущим мужем она познакомилась на премьере в театре. Ей пришлось пойти туда одной, и потому было не так радостно смотреть спектакль, хотя действие на сцене было довольно интересным. Парренс тоже пришёл в театр один, но, увидев прекрасную девушку, которая к тому же выглядела довольно одинокой, он решил сесть рядом с ней и, представившись, завязал с ней непринужденную беседу. Представление отошло на задний план. Они влюбились друг в друга с первого взгляда. Их увлекательный разговор затянулся, и после представления они всю ночь гуляли по истоптанным тропинкам в парке. Парренс держал барышню за руку и всё время смотрел на нее, а она от смущения то бледнела, то краснела. Они обожали друг друга и уже вскоре после знакомства поженились.

Когда у них родился малыш, Трис тут же оставила работу и полностью занялась воспитанием ребёнка. Совсем юный Амбулас был счастьем в их доме. Родители щедро одаривали его любовью и вниманием. Отец, возвращаясь с работы, первым делом же шёл в комнату к сыну, чтобы взять его на руки, слегка подкинуть вверх, отчего у матери замирало сердце, и поцеловать в лоб. Амбуласу это жутко нравилось, и он хохотал, когда оказывался в воздухе, и когда отцовская щетина слегка царапала его нос. Мать тоже невероятно сильно любила своё чадо: она практически не отходила от него ни на шаг, всюду брала его с собой, но вместе с тем, она никогда не ограничивала его свободу. Родители опекали Амбуласа так сильно, как только могут опекать родители своего единственного ребенка и в то же время, они никогда не навязывали ему своего мнения.

После той судьбоносной ночи, когда родителям Амбуласа по непонятным обстоятельствам пришлось покинуть дом, а его оставить на попечительство трем няням, вся жизнь ребенка окрасилось в серые тона. Карета, на которой отправились в путь Парренс и Трис Интенегри, была найдена пустой и распряженной на окраине близ лежащего леса уже следующим утром. Двух человек объявили в розыск. После трех недель непревращаемых поисков, родителей Амбуласа признали погибшими. Город покрылся трауром.

Полиция не могла поднять и раскрыть дело ни об исчезновении, ни об убийстве. Следов похищения совершенно не было, мертвые тела в лесу и по округе тоже не найдены, улики отсутствовали. Сыщики были в недоумении. Были люди, и нет людей.

По завещанию Парренса Интенегри, найденного в его рабочем столе, всё богатство семьи принадлежало его сыну. Сам же Амбулас был передан на воспитание ближайшему родственнику. Им посчитали двоюродного брата Парренса.

Леон Интенегри – суровая личность. В одном его взгляде можно было разглядеть вечную мерзлоту. Этот человек был отталкивающе холодным и формальным в любых человеческих отношениях. Он не умел ни плакать, ни улыбаться. Он был по-настоящему черствым и непреклонным даже с близкими ему людьми. Его можно было назвать жестоким, но это не так! Суровость от жестокости решительно отличает одно: суровость не ищет и не получает удовольствия от причинения боли другому. Жестокость не имеет никакого представления о доброте и сочувствии. В суровости эти качества умеренно выражены, однако проявиться могут лишь в особых, почти пограничных ситуациях.

Леон был заядлым охотником, но зря животных не убивал. В юности это пристрастие чуть не погубило его. Тогда он с компанией отправился охотиться на льва. Имели лицензию – всё как положено. И надо же было такому случиться! Группа вышла на след, и после долгого преследования они выследили льва. Но король-лев не упал даже с нескольких выстрелов из луков и напал на охотников. Больше всех пострадал Леон. По счастливой случайности кто-то сумел попасть льву прямо в глаз, что сразило зверя и спасло человека. Но тем не менее лицо Леона было изувечено до неузнаваемости: часть правой щеки разодрана до потемневшего основания зубов, косые растрескавшиеся алые линии вместо правого глаза. Всё тело было в ранах и кровоподтеках. Пальцы ног были словно выкручены, выдернуты и переломаны. Всё это оставило уродливые шрамы на всю жизнь и хромую походку.

Леон Интенегри жил в поместье в готическом стиле. Раньше оно принадлежало старинному княжескому роду. Каменный дом в два этажа, окруженный садом, остроконечный серый купол, зелёные деревянные колонны. Все детали поместья говорили о характере его владельца. То, что дом стоял на открытой и ветреной местности, вдалеке от города, говорит о том, что обладатель этого построения был непрактичен и бесхозяйственный, ведь хороший хозяин не построил бы свой дом в таком месте.

Жиденькие деревья, позеленевший пруд показывают, что за ними никто не ухаживает: деревья растут сами по себе, пруд не чищен. Но это поместье казалось идеальным Леону, и он приобрел его за скромную цену, так как всему зданию требовался капитальный ремонт.

В доме вечно чего-нибудь да недоставало: одна комната была обставлена старой мебелью, обтянутой потёртой кожаной материей, дубовыми столами и книжными шкафами. В другой же комнате мебели не было вовсе. Спальня хозяина оборудована всеми удобствами. В оформлении использовался успокаивающий зелёный цвет, в интерьере присутствовала простота и чистота линий. Мебель из красного дерева с бронзовой отделкой, и сине-зелёные массивные шторы. В спальнях же прислуги по усмотрению Леона было достаточно одной кровати, тумбы, и комода под одежду, а стены могли быть и вовсе обшарканными.

Кабинет – место, где человек занимается интеллектуальной деятельностью. Он имеет особое значение для самодостаточных людей. Кабинет Леона Интенегри представлял собой небольшую комнату. Центральное место кабинета занимал старинный письменный стол. На столе всегда лежал сборник собственных сочинений хозяина, фарфоровая чернильница в виде льва и печатка-ножичек, а также табачница, – Леон изрядно любил покурить. Над столом были помещены картины с различными пейзажами. Два позолоченных канделябра, два высоких стула, и большое кресло с резными подлокотниками внесли уют в эту комнату.

Леон Интенегри был человеком одиноким. Он никого не любил, и никто не любил его. Но он и не считал себя несчастным человеком. Леон всегда стремился к одиночеству, всегда искал уединения, и под зрелость лет он добился частичного отчуждения от мира сего.

Когда Амбуласа привели в поместье, это не вызвало особо никаких эмоций у Леона: он не был огорчен гибелью брата, не был возмущен появлению ребенка в его доме. Он отнесся к этому, как к должному. К тому же, некоторая сумма от состояния Парренса Интенегри перешла ему, "на содержание племянника и личные нужды". Только одно слово вырвалось из его уст тогда в адрес ребёнка: "Волчонок"

Леон нанял няню и гувернантку ребёнку, выделил и обустроил собственную комнату для дитя, не обделял игрушками. Единственным условием содержания малыша в поместье было в том, чтобы не велось посягательства на одиночество хозяина и его личное пространство. Именно поэтому Амбулас в младенчестве редко видел дядю, но этот персонаж вызывала у него неподдельный интерес.

Няня то и дело всё время теряла из виду непоседу, стоило только отвернуться. Амбуласа словно непостижимая сила притягивала к кабинету его дядюшки. Но достать до ручки не позволял рост, да и сил отворить дверь было еще маловато.

Леон всё время суток проводил в своём кабинете. Он выходил оттуда очень поздно, и возвращался туда очень рано. Иногда казалось, что он и вовсе там ночевал. Завтракал, обедал, и ужинал Леон только в кабинете, по каким-то причинам он никому не позволял входить туда. Жители поместья понятия не имели, чем хозяин мог днями на пролет там заниматься. Это было главной загадкой этого дома.

Гувернантка часто хвалилась Леону об успехах Амбуласа в то время, когда заносила ему еду. Конечно, это не интересовало хозяина, и поэтому всегда прерывал ее со словами: "Спасибо за обед". Ребёнок был умственно развит не по годам. Особый интерес он проявлял к чтению и музыке. Как-то рассказала хозяйину, как тот пытался уже читать по слогам, прикладывая ухо к пианино, когда на нем играла няня, как заставил повариху раскинуть яблоки по всему столу, тем самым выбрав для себя композицию, которую счел нужным зарисовать, а точнее, начеркнуть на листе. Иными словами, росла творческая личность. Амбулас был спокойным и тихим ребёнком. Он ко многому проявлял интерес. К шести годам он уже читал книжки, и познавал науку, как сольфеджио. К семи – пытался сочинять собственную музыку.

Амбулас любил играть в прятки с няней в саду, любил ходить на прогулки поодаль поместья. Каждый день начинал с зарядки, любил подтягиваться, хватаясь за косяки дверей. Бегал по всему дому, представляя себя великим путешественником. На ночь он заставлял гувернантку, – именно ее, а не няню, – читать ему сказки. Он всегда говорил ей какой у нее красивый голос. А с поварихой он делился своими секретами.

Амбулас часто играл напротив двери кабинета. Так он ждал, когда дяде Леону приспичит выйти из своего кабинета, чтобы успеть разглядеть его, и даже попытаться заговорить.

Ребенок не знал о смерти родителей. Ему говорили, что они уехала далеко-далеко, но очень сильно его любили, и поэтому должны были зарабатывать деньги, чтобы он смог купить себе большой дом. Одной ночью, Амбулас написал письмо своим папе и маме, и приложил записку с просьбой к дяде Леону, чтобы тот отослал письмо его родителям. В письме он написал, как сильно скучает, и просил больше не работать их. Не надо ему было большого дома, поживет и в маленьком. Прежде чем подложить письмо под дверь к дяде, он посоветовался с поварихой, но та строго настроенно запретила ему приближаться к кабинету, сама взяла письмо и пообещала отправить его лично.

Амбулас часто плакал по ночам. Об этом узнала няня, и он объяснил ей, что тем самым отгоняет от себя плохое настроение, чтобы на утро снова смог улыбаться всем. Няня его крепко обняла и горько расплакалась. Все любили этого ребенка. Почти.

Однажды, когда Амбулас ночью вышел из своей комнаты, чтобы попить воды, он спустился вниз по лестнице, и заметил, что дверь в кабинет его дяди была приоткрыта. Он осторожно заглянул внутрь, и заметил, что Леон отсутствовал. Только он уже было хотел выйти, как его внимание привлекла блестящая коробочка на рабочем столе. То была табачница. Амбулас чуть слышно вошел внутрь. В кабинете было очень холодно, и невкусно пахло, а картины в темноте его немного пугали. Он бесшумно залез на стул, облокотился на стол, и принялся рассматривать чудесную на его взгляд безделушку. Он попробовал ее открыть, но она никак не поддавалась. Тогда он схватил ножичек и принялся подковыривать им крышку.

– Это что еще такое? – за спиной Амбуласа рявкнул голос. Ребенок дрогнул, снес со стола табачницу, в последствии которая раскрылась и рассыпала табак, опрокинул локтем чернильницу на какую-то книжку, и сам свалился со стула.

Он увидел перед собой разъяренного дядю, который весь покраснел и был готов взорваться изнутри. Амбулас так же разглядел кошмарные шрамы на его лице, которые при тусклом свете свечи казались просто ужасающими.

– Что он тут делает?! Заберите ребёнка! Матрина! – Леон кричал во всё горло, рычал как медведь. Его голос казался громче самого грома в страшную бурю.

Сбежались все: няня, гувернантка, повариха. Они поспешно унесли малыша. Амбуласа не могли уложить всю ночь, он не хотел смыкать глаза.

После той ночи ребенок начал замыкаться в себе. Он редко улыбался, больше не смеялся. Совсем перестал плакать, не проявлял ласку, нежность. Можно сказать, он был совершенно безэмоциональным. Амбулас перестал играть игры, не проявлял интереса к учебе, не просил почитать ему, перестал общаться. Он стал сам по себе.

К одиннадцати годам было заметно, что он рос сильной и незаурядной личностью. Он сам для себя открывал пути формирования. Он всего достигал сам активной физической и мыслительной работой. Он рос натурой независимой и самостоятельной, и поэтому можно было догадаться, что в будущем его нельзя будет склонить авторитетами.

К четырнадцати годам он стал отрицать искусство, как пустую трату времени. Не любил романтику, не любил стихи, хотя сам когда-то сочинять пытался их. Он воспитал сам в себе сдержанную манеру речи, манеру держать себя. Амбулас сам нанял для себя мастера по фехтованию. После года обучения, продолжил занятия самостоятельно. Он любил природу, часто уходил в походы. В первое время это заставляло сильно поволноваться гувернантку, но позже она смирилась и с этим. Няня уволилась, так как ребёнок вырос, он стал юношей. Повариха подхватила лихорадку и скончалась. Наняли вместо нее немую и страшную на вид старуху.

Когда Амбулас окончательно перестал проявлять интерес к окружающим, им заинтересовался Леон. Он начал чаще выходит из кабинета, незаметно наблюдая за парнем, когда тот занимался фехтованием в саду. Леон часто поражался физической силе худощавого Амбуласа, который часами мог беспрерывно подтягиваться и отжиматься на спортивной площадке, которую юноша же сотворил собственноручно. Его привлекало в нем суровость, которую находил в себе.

Как-то всё так же наблюдая за ним, к Леону со спины тихонько подошла гувернантка, и сочла нужным сказать эти слова:

– Нынешнее его поведение служит защитным панцирем. В очень нежном возрасте душа вынуждена была создать его себе ради выживания в опасном семейном и общественном климате. Дальнейшее развитие характера оказалось преимущественно укреплением и совершенствованием данного панциря, но сама личность сохранилась под ним по-детски беззащитной. – И после вздоха добавила, – Я скучаю по малышу-Амбуласу.

В один хмурый вечер, когда тучи сгустились над помещьем, когда в последний раз за этот сезон шелестела листва под ногами, Леон, за столь многие годы, впервые раньше обыденного вышел из кабинета, самостоятельно разжег камин и сел в кресло напротив окна, наблюдая, как ветер разгоняет первые снежинки. Хозяин дома ждал, когда с очередной прогулки вернется его племянник. Несмотря на весь его каменный образ, в душе у Леона бушевала буря. Ему предстоял первый разговор с Амбуласом за все пятнадцать лет, что он пробыл здесь. Он несколько раз срывался с места, оставляя эту затею, но тут же садился обратно в кресло. Он сам себе удивлялся, что в нем присутствовало столь сильное волнение, и не мог позволить себе струсить.

Заскрипела входная дверь. В гостинную вошёл Амбулас, весь мокрый и мрачный. Он даже не заметил, что кто-то сидит в кресле, так непривычно это было для него. Поэтому, когда с ним поздоровался дядя, он вздрогнул.

– С возвращением.

Амбулас остолбенел. По всему телу пробежали мурашки, зрачки расширились, он не мог поверить своим глазам. Эта встреча вогнала его в смятение. Парень нахмурился, надулся, как петух. В горле возник горький комок.

– Присядь рядом, – снова спокойно сказал Леон, указав на рядом стоящее второе кресло, тем самым окончательно развеяв у Амбуласа все сомнения на счёт реальности этой встречи.

Амбулас присел.

– Люблю такую погоду. Серая, холодная, такая живая. Красота. Есть не хочешь? А я бы выпил чаю. В такую погоду для полного уюта только горячей кружечки чая и не хватает.

Амбулас был в недоумении, и Леон это заметил.

– Ты сильно похож на своего отца. Те же скулы, те же глаза. Мы в мальчишестве часто играли вместе с твоим отцом. Жили в одном доме. Маленьком таком. А потом его семья уехала, и мы больше не виделись. Нет, вру. Виделись на его свадьбе. Твоя мама была красивой женщиной. Я плохо знал ее. Совсем не знал. Отсидел церемонию и ушел, – Леон посмотрел на Амбуласа. Тот устремил свой взгляд на огонь. – Ты же знаешь, что твои родители никогда не вернуться?

– Я догадался уже давно об этом, – мгновенно ответил парень. Голос его неуверенно дрожал, но он усердно пытался это скрыть.

– Ты очень богат. Я вложил твои деньги на сбережение с прибылью. Ты богат дважды. Конечно, это незачем было делать, поскольку и тех денег хватило бы тебе на три безработные жизни. И это поместье тоже достанется тебе. Больше мне его некому отдать. Я такой же сирота. Их убили. Грабили дом, и убили. Родителей. Жил у тёти. Она очень странная женщина, но относилась ко мне хорошо. К ней приходило много людей в дом. Помогала им чем-то что ли. Меня это не интересовало. Я ушел от нее, когда был в твоём возрасте. Снова вру. В семнадцать ушел, и прихватил ее денежки. Нет, она не бедна. Ей на старость хватит. А ты поживешь у меня еще три года, до совершеннолетия. Только так ты получишь свои деньги и сможешь пойти благополучно их тратить. Тебе даже не надо работать будет. У тебя есть увлечения?

– Я начал читать учебники по медицине. И мне показалось это довольно увлекательным.

– А я бы не смог лечить людей, так как ненавижу их. И думал, что ты их не любишь, честно. А ты вот какой оказывается тоже...

– Это интерес, не более. Вы сами сказали, что мне денег хватит прожить и безработным.

– Да, хватит. И работать не надо, – и на этом наступило молчание.

Леон погрузился в себя, а Амбулас из вежливости не осмелился уходить. Лишь только тогда, когда дядя начал смыкать веки, чуть заметно покачивая головой, парень встал с кресла. Леон взбодрился.

– Ты куда?

– Я в комнату. Подняться хочу. Надо.

Леон вскочил с места, схватил своими огромными руками Амбуласа за шиворот и приподнял его.

– Ты славный человек, племянник. Не потрать всю жизнь за зря. Делай, что захочешь. Хочешь тратить деньги – трать. Хочешь работать врачом – работай. Но ничего не бойся. Будь смелым. Нельзя, чтобы страх повелевал уму. Ты меня понял? – в глаза Леона можно было различить искру безумия, а в голосе ноту отчаяния.

– Понял! Отпустите меня! – закричал парень, но дядя не переставал его трясти, и повторять вопрос: "Понял? Ты меня понял?"

Этот разговор изначально показался Амбуласу странным. Ну а то, что творилось сейчас – крайне абсурдным. На крик прибежала гувернантка. Амбулас освободился от оков и убежал вверх по лестнице. Дядя остался на месте, а гувернантка последовала за юношей.

Леон уселся обратно в кресло. Он качал головой из стороны в сторону, затем, прикрывал лицо руками и начинал судорожное покачивание. Вдруг, он остановился и громко выдохнул. Его старые глаза налились слезами.

На следующее утро, хозяина поместья нашли повешенным в собственном кабинете. Врачи сделали заключение: "Передозировка курительными смесями". И сделали предположение, что при употреблении очередной дозы, у него случился нервный срыв, на фоне которого он покончил жизнь самоубийством. На вопрос: "Он же что-то употреблял?", все жители поместья пожали плечами.

Леон Интенегри был похоронен в саду своего поместья. Следом, владение было продано, а все деньги, полученные с него, Амбулас предпочел отдать гувернантке. Старухе-повару тоже досталась доля.

Молодой человек собирал свои вещи с тоскою на сердце. Как ни как это место было его домом, он тут рос, и покидать его было необыкновенно трудно. На память о дяде, он взял с собой его запачканный чернилами журнал со стихами. Так же, из его письменного стола Амбулас забрал все банковские бумаги и завещание. Впервые он увидел почерк отца.

К вечеру, после похорон, в входную дверь постучались. Юноша поспешно отворил дверь. На пороге стояла старуха, на чьем лице сияла приветливая улыбка. Это была тётя Леона Интенегри. Это была бабушка Амбуласа.

Глава 4. Новое

Пробуждение после свершившегося было тяжелым. Все конечности затекли до невозможности. Для того, чтобы пошевелить хотя бы пальцем,

приходилось приложить немало усилий. Амбулас слабо застонал. Вернее,

подумал, что застонал – он не слышал ни звука. Так бывает, когда в

пустом кинотеатре в полной темноте запустили киноплёнку с выключенным

звуком. Мерцает экран, движутся картинки, но ухо не в состоянии

уловить ни малейшего шороха.

В первые секунды он не мог понять, что произошло и почему. Вдруг память услужливо преподнесла кошмарные картинки: кровавое небо, злобные карлики, уродливая женщина-паук.

Вместе с памятью начал возвращаться и слух. Первым было услышано тихое бормотание человека, которое доносилось где-то из противоположной стороны комнаты. Мгновение спустя, и можно уже было распознать чирканья пера по бумаге.

Изображение было нечетким. Глаза были затянuty мутной пеленой,

голова сильно кружилась. Подождав пока головокружение уймется, Амбулас решил осмотреться и медленно поднял голову.

Сам он лежал по пояс обнаженный на кровати в просторной комнате, где стояло еще несколько кроватей. Как было ранее упомянуто, в противоположном конце за столом сидел знакомый упитанный мужчина. То был Губернатор.

Набрав в грудь воздух, Амбулас начал осторожно подниматься. Его услышал Урбэм.

– Господин Интенегри, вы очнулись! Слава Богам! – Он вскочил со стула и подбежал к молодому человеку. – Я уже начал волноваться. Местный лекарь сказал, что у вас обморок. А я боялся, что вы заразились проклятой болезнью, что развелась у нас в городе. Ой, что же это? Давайте помогу! – Урбэм поддерживал Амбуласа, помогая тому устойчиво сесть, и подложил под спину подушку.

– Вы пролежали без сознания часа два около девушки. Я боялся вас трогать. Мы сидели все молча в стороне, как вдруг юная дева закричала. Родители ее быстро успокоили. Они обняли ее и плакали от счастья. Она жива, Господин Интенегри! Лицо ее вернуло цвет. Девушка еще слаба, но она в сознании и будет жить. И всё благодаря вам! – Губернатор аж захлопал в ладоши и тут же прекратил. – Но вы не просыпались, и мы перенесли вас к лекарю. Вы проспали еще два часа. Ах, да! – он кинулся к столу и поднял журнал. – Я всё записал!

Амбулас сидел, согнувшись, прижав руки к лицу. В голове пульсировала боль, которая переходила в глаза. Нужно было полежать еще некоторое время в кровати, чтобы окончательно прийти в себя, но он просто не мог позволить себе этого.

– Где моя одежда? Нам нужно идти. Кто следующий больной? – молодой человек начал вставать, в ногах пока не чувствовалась сила, поэтому пришлось опереться об стену.

– Что Вы, Господин Интенегри, Вам нельзя пока вставать. Я должен позвать лекаря, – Урбэм хотел посадить обратно больного, но тот резко отмахнулся.

– Чтобы это ни было, но оно сильно и опасно. Поэтому каждая минута, проведенная в бездействии, осложнит мне дальнейшую работу. Нам нужно спешить!

– Вам нельзя вставать. Стойте же! Вы хотя бы можете мне объяснить, что происходит с моими людьми? Вы приезжаете в город, и сразу же заявляете, что «медлить нельзя». Никто до Вас и понятия не имел, чем больны жители Лучезарного. Это я говорю про врачей. Но вы же не врач, как я смею предположить. Как минимум все эти штучки, что Вы вытворяли у несчастной девушки, не были приемами из учебников по медицине! И я Вас попросту не пущу к другим больным, если вы не скажите, что произошло два часа назад!

Амбулас покорно, но не без раздражения вздохнул:

– Хорошо. Я вам расскажу всё, что успею по пути к следующему пациенту. Согласны?

Губернатор кивнул.

Спустя несколько минут они вышли из дома лекаря, который совсем ничем не отличался от других зданий. Урбэм повел Амбуласа к следующему дому, но заметно не торопился. Молодой человек намек понял.

– Этот обряд я зову «Совершение». С помощью него я очищаю разум и душу от... – рассказчик немного задумался. – От захватчиков. Этому нет точного определения, как и нет верного объяснения причины, почему так происходит. Я лечил людей раньше от этих захватчиков, но они жили в совершенно разных местах, и их не было так много, как тут, тем более в одном городе. С чем я сегодня столкнулся, то было сильнее ранее виданного. Эта болезнь, захватчики, – как угодно называйте, – почувствовали меня. Но не этому я был удивлен! Они строят миры в разуме людей, основываясь на их кошмарах. Они питаются болью и страданием. Они прочно и надолго могут засесть в разуме, в душе. Но не в их интересах убивать носителя, тем самым разрушать собственное убежище. Зараженные люди не должны беспробудно спать, и тем более умирать. Не видел я такого! А тут, это нечто настолько сильно, что убивает зараженного. Я удивился тому, что захватчики готовы разрушить собственный мир, когда вот уже обречены на гибель. Они должны были просто уйти! Но они беспощадно стали убивать жертву. Что это? Жадность? Если бы мне не удалось вытащить девушку оттуда, я бы мог еще спастись, а она уж точно нет! Я даже опасаясь вступать в следующий контакт. Поэтому надо быстрее приступить к делу, чтобы не было время на панику.

Когда Амбулас закончил, он посмотрел на Губернатора. У того было недоуменное лицо. Такая реакция возможна, когда вроде осознаешь, что всё это обыкновенная небылица, но вдруг понимаешь, что эта небылица воплотилась в жизнь. Поверить в это трудно.

– Даже, если это так. Мне ничего не остается, как верить этому. Почему вдруг пострадал мой народ? Почему в таком количестве? – спросил Урбэм.

– А это мне еще предстоит выяснить, господин Губернатор.

– Хорошо. Мы пришли. Этот дом.

Здание такое же, практически ничем не отличалось от прочих. Единственным отличием было разбитое стекло на втором этаже, где щель заделали тряпичным куском. Внутри обстановка тоже была знакомая, лишь людей в хале было побольше – целых четыре человека: три женщины, и совершенно лысый старик с густой длинной бородою. При виде вошедших, женщины привстали с мест, а старик так и остался сидеть в кресле, только медленно оторвал взгляд от газеты и перевел его на людей.

– Ведите к больному, – хрипнул Урбэм.

Их проводили все три дамы на второй этаж в комнату под номером шесть. Дверь в комнату отворили, и на одной из шести кровати можно было увидеть мужчину, которого прикрыли по грудь одеялом.

– У него не было семьи, жил всегда один. Сидел почти всегда в комнате, лишь по утрам и вечерам строго ходил в уборную, да брал с обеденного стола чего-нибудь покушать. Мы забили тревогу, когда он так и не спустился вниз на третий день. Лучше бы он просто от лени решил гадить в комнате да живой был, так нет... И его хворь свалила. Теперь сидим тихонечко – боимся, – рассказала неспешно одна из женщин.

Амбулас первым вошел в комнату, Урбэм следом, остальные остались стоять в проходе. Он осмотрел мужчину: серая кожа, расширенные зрачки, кровоподтёки, учащенное сердцебиение, температура ниже нормы. Все знакомые симптомы. Каждое действие Урбэм не забывал записывать в журнал.

Следом они так же начали сдвигать кровати, скидывать матрасы, и на них класть мужчину. Женщин пришлось выгнать, и оставить за закрытой дверью.

Амбулас расставил три свечи так же, как в и в прошлый раз. Заставил Губернатора наполнить кубок водой. Достал кинжал, кольнул им кончик пальца мужчины, выдавил в кубок пять капель крови. Не забыл надеть медальон-оберег, поджег фитиль свеч, взял за руку больного, и заговорил молитву:

– Эл номе ган го ретте. Эл номе ган го ретте. Эл номе ган го ретте повус...

По окончании молитвы Амбулас поднес кубок к губам и сделал несколько глотков. Спустя мгновение, он свалился набок.

***

Многие считают, будто неизменными спутниками ужаса является боль, тьма, смерть, разнovidная нечисть. Но сейчас Амбулас столкнулся с таким страхом: Холод.

Умереть от переохлаждения – не тяжкая уж мучительная погибель, если задуматься. После долгого пребывания на морозе, человека тянет ко сну. Это явный признак, что смерть дышит ему в затылок. От переохлаждения человеку может стать неожиданно тепло, он окончательно расслабляется и начинает засыпать на ходу. Заснул – смерть. И ничего больше. Организм просто перестанет бороться с холодом, так как кровь медленней расходуется по телу, выделяется меньше тепла. Постепенно он замедляет своё действие, а затем и вовсе останавливается.

Огромный кусок льда. Именно здесь на этот раз оказалась душа Амбуласа. Его окружала снежная пустыня. Позади виднелась опушка леса, впереди – высокая гора, почти расколота на две половинки. Оттуда исходило голубоватое свечение. Амбуласу без особых подсказок было ясно, куда следует держать путь.

– Карр, – внезапно крикнул над головой уже знакомый нам ворон, который стремительно направлялся в сторону горы.

– Ведь даже не остановился поздороваться, – крикнул ему вслед молодой человек.

Амбулас глубоко вдохнул воздух. Он уже начал ощущать, как мороз пробегает по всему телу, напрягаются мышцы вокруг волосяных фолликулов, что вызывает эффект «гусиной кожи», как тело сковывает леденящий холод.

По щелчку пальцев тело охватило пульсирующее сияние, а после вспышки Амбулас был обличен в свою кожаную броню, левую руку плотно обмотала черная цепь с крюком, а за спиной появился длинный меч. Человек немного попрыгал на месте, заправил под одежду свой медальон, и побежал к горе. Путь предстоял не малый.

На бегу суровая стужа сразу не ощущалась, хотя в горле вырос жгучий комок. Враг себя пока не выдавал, а гора медленно приближалась. Царила мертвая тишина и спокойствие. Но после нескольких минут, возникла первая угроза. Заревел ледяной ветер. Начали мерзнуть щеки, нос и уши. Вскоре, кончики пальцев на руках и на ногах онемели, а лицо теперь начало

жечь. Бежать стало трудно, от соприкосновения с землей в ноги ударяли волны боли. В области груди всё пылало, появилась отдышка. Амбулас остановился.

«Как же холодно!» – занервничал он, и принялся растирать руками лицо. – «Это же все нереально! Почему всё так плохо?»

Амбулас обряд «Совершение» всегда сравнивал с проникновением в сон другого человека. Чтобы почувствовать физическую боль во сне – значит нужно, чтобы физически воздействовали на материальную оболочку в реальном мире, ведь боль ощущается при повреждающих действиях на свободные нервные окончания. Но на данный момент его тело находилось в безопасности, и не мог же сквозняк в доме быть настолько холодным. Сравнить с эмоциональной болью Амбулас тоже это не мог.

Он давно уже открыл для себя, что «захватчики» могут воздействовать не только на разум жертвы, но и на разум «спасителя». Они могут заставлять через мозг испытывать боль, но только на проекционном уровне. То есть, если ты поранился, при спасении жертвы, этой раны в реальном мире не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.